

ВЕСТНИК

ISSN 0869-7698

ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ
НАУК

3
1993

О славе и трагедии русских экологов

Д.ВАЙНЕР (УИНЕР). Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. Пер. с англ. / Послесл. и ред. Ф.Р.Штильмарка. М.: Прогресс, 1991. 400 с.

Считается, что без прошлого нет будущего. До недавнего времени официальная история развития советской науки была далека от реальности. Многие ее страницы вычеркнуты из памяти целых поколений, другие – просто придуманы. Имена ученых, которые могли бы составить гордость нации, забыты. Страна СССР жила с отредактированным прошлым. Сейчас этой страны нет, но остались проблемы, рожденные в недрах строительства так и непостроенного социалистического общества. К числу наиболее острых из них относятся проблемы значительного ухудшения экологической ситуации на территории бывшего Союза.

Где истоки этой трагедии? Как могло случиться, что многие крупные регионы России оказались у роковой черты экологического кризиса? На эти и некоторые другие вопросы, связанные с становлением экологии и охраны природы в СССР, можно найти ответы в недавно изданной на русском языке книге американского исследователя Дугласа Вайнера (Уинера) «Экология в Советской России», приоткрывающей завесу над подлинной историей развития природоохранного движения в Советском Союзе.

В предисловии к русскому изданию автор подчеркивает, что его книга представляет собой попытку восстановить историческую справедливость. «В своем исследовании – пишет Д.Вайнер – я столкнулся с тонким хитросплетением бюрократической интриги, научного политиканства, трагедии и славы. Для многих будет удивительно, что еще в 20–30-х годах Советский Союз был на переднем крае развития теории и практики охраны природы» (с. 7). И далее: «История, которая здесь рассказана, – это история неравной борьбы между многочисленной российской интеллигенцией... и набирающей силу бюрократической коалицией, возглавлявшейся Сталиным и использовавшей контроль над гигантской государственной машиной для утверждения своих взглядов на политику и жизнь» (с. 8).

Эту книгу автор посвятил «...светлой памяти русских экологов и общественных деятелей XX века, отдавших все силы трудной борьбе за отечественную природу».

В сравнительно небольшом введении Д.Вайнер разграничивает позиции защитников природы и сторонников ее преобразования, перечисляет основные темы книги, раскрывает ряд принципиальных позиций. В частности, политику уступок защитников природы, именуемую в книге политикой «защитной окраски», автор считает конструктивной лишь до некоторой степени и спра-

ведливо указывает, что способность ученых идти на уступки невежеству и безрассудству неизбежно себя истощает. И в какой-то момент наступает необходимость выбора между профессиональной карьерой и моральным падением.

Глава 1, «Памятники природы», посвящена истории становления охраны природы в дореволюционной России со времен Петра Великого, который первым из российских царей узаконил природоохранные мероприятия на благо всего государства, а не только собственных угодий. Здесь показано, что с начала XX столетия в российском природоохранном движении сформировались три основных подхода: утилитарный, при котором живые формы делились на «полезные» и «вредные»; культурно-эстетико-этический, культивировавший уважение и любовь к природе, и научный подход, при котором обосновывалась необходимость изучать нетронутые природные сообщества.

Отмечено, что идея изучения природных сообществ в местах, где дикая растительность может служить эталоном для сравнения с обрабатываемыми землями, впервые была предложена ботаником Н.И.Кузнецовым в 1890 г. и затем поддержана почвоведом В.В.Докучаевым. Однако в то время научная общественность не приняла эти идеи, и только спустя 13 лет такой подход был вновь предложен Г.А.Кожевниковым. Как указывает Д.Вайнер, программа создания сети экологических заповедников, предложенная русским зоологом, оказала сильное влияние на биологию и управление ресурсами в России. Кожевников добивался прекращения или сведения к минимуму человеческой деятельности в заповедниках и высказывался за то, чтобы заповедники занимали большие территории и были окружены обширными буферными зонами. Лишь с третьей попытки предложения ученого были одобрены на XII съезде русских естествоиспытателей и врачей в декабре 1909 г.

Здесь, вероятно, следует обратить внимание на неутраченную актуальность взглядов Кожевникова. К сожалению, его предложение о создании обширных буферных зон вокруг заповедников до сих пор не нашло отражения в российском законодательстве. Тем не менее эта идея, спустя многие десятилетия и пока только в одном районе, все-таки была реализована: согласно утвержденному в июне 1991 г. сессией Приморского краевого Совета народных депутатов в рамках Региональной долговременной экологической программы, плану развития системы охраняемых природных территорий, вокруг каждого заповедника – а их в Приморье шесть – были образованы крупные буферные зоны.

Глава 2, «Охрана природы и революция», содержит информацию об ужасающих последствиях первой мировой войны и событий 1917 г. Это и бессмысленное уничтожение крестьянами парков, садов, лесов и усадеб и расправы с их владельцами, и угроза ликвидации всемирно известного степного заповедника Аскания-Нова, и истребление стада европейских бизонов (зубров) и т.д. В то же время автор отмечает, что хотя события 1917 г. и имели ужасающие негативные последствия, они, тем не менее, активизировали деятельность природоохранного движения. Особое место в главе уделено большой конференции по охране природы, проходившей с 30 октября по 2 ноября 1917 г. в Петрограде. Уже тогда В.П.Семенов-Тянь-Шанский представил глубоко продуманный первый план национальной сети заповедников. Впоследствии его план – замечает Д.Вайнер со ссылкой на работу Ф.Р.Штильмарка и Г.С.Авакова 1977 г. (см.: Бюлл. МОИП, отд.-ние биол. Т. 82, вып. 2) – послужил основой для создания новой советской сети заповедников, и к концу 70-х годов почти 80% территорий, названных Семеновым-Тянь-Шанским, стали охраняемыми.

В этой же главе автор предпринимает попытку составить собственное, непредвзятое представление о взглядах В.И.Ленина на взаимоотношения между природой и людьми, анализирует значение первых декретов ленинского правительства, регулирующих использование лесных и охотничьих ресурсов, повествует о «судьбоносной» встрече в январе 1919 г. Н.Н.Подъяпольского, агронома, заместителя астраханского отделения Наркомпроса, с В.И.Лениным. Одна из просьб Подъяпольского к Ленину на этой встрече касалась создания заповедника в дельте Волги. Энергично поддержав эту просьбу, Ленин предложил Подъяпольскому написать проект общего декрета об охране природы. Позднее на основе составленного Подъяпольским проекта был подготовлен и 16 сентября 1921 г. подписан Лениным закон «Об охране памятников природы, садов и парков». Другим результатом январской встречи 1919 г. было образование весной того же года Временной комиссии по охране памятников природы, впоследствии преобразованной в Научный, а затем в Государственный комитет по охране памятников природы при Наркомпросе.

В главе 3 рассказывается о трудном для заповедников периоде НЭПа, когда на их содержание у государства не было денег и сотрудники заповедников были вынуждены сами искать средства, получая плату за вход на заповедную территорию, пользование гостиницами и проведение экскурсий. Однако к 1924 г., в период стабилизации экономики, негативные тенденции самфинансирования заповедников стали ослабевать, появились новые возможности.

С периодом НЭПа Д.Вайнер связывает расцвет и увядание эстетико-этического направления в природоохранном движении. Он отмечает, что даже для наиболее свободно мыслящих большевиков «... идея существования этики, отличной от прагматической этики марксизма, идея о том, что природа может формировать определенные духовные особенности национальной психологии, должна была представляться чуждой» (с. 68). Наркомпрос, в ведении которого находилось большинство заповедников, добивался материалистической ориентации всех работ. Благоклонное отношение руководства этого ведомства к научному подходу в охране природы сыграло решающую роль в переориентации природоохранного движения.

В главах «Пределы роста» и «Госкомитет и заповедники» обсуждаются проблемы молодого советского природоохранного движения, главным образом, в период с 1925 по 1929 г. Здесь автор особое внимание уделяет проблеме эксплуатации возобновимых ресурсов, отмечая, что с налаживанием торговых отношений между Советской Россией и основными западными государствами идеал рационального природопользования был разрушен слепой стихией рынка. Состояние наиболее важных биологических ресурсов – лесов и дичи – вызывало беспокойство как природопользователей, так и защитников природы. Серьезная опасность нависла над пушным промыслом. Нетрудно увидеть, что многие вопросы, рассмотренные здесь Вайнером, имеют прямое отношение к нашим дням, когда нынешние проблемы природопользования вновь решаются в условиях захлестнувшего страну нецивилизованного рынка. В 20-е же годы одной из крупных ответных мер против надвигающегося кризиса было создание местными властями многочисленных заказников. Активизировалась деятельность природоохранных обществ – Центрального бюро краеведения, Всероссийского общества охраны природы и многочисленных местных организаций охраны природы, деятельности которых посвящены специальные разделы.

Несомненный интерес представляет информация о создании и деятельности Государственного комитета по охране природы, об активном развитии сети новых советских заповедников, а также о противоречивых взаимоотношениях между Наркомпросом и Наркомземом. В их ведении находилась большая часть создаваемых заповедников, сильно различавшихся функциями и охранным режимом. В частности, заповедники Наркомпроса использовались для изучения динамики экологических сообществ на эталонных территориях, а заповедники Наркомзема – как резерваты для размножения в основном промысловой дичи и пушных зверей. Здесь же Д. Вайнер отмечает, что в 1927 г. законодательно был подтвержден статус заповедников как научно-исследовательских учреждений экологического профиля и что с этого времени начался «золотой век» научных исследований в заповедниках.

Глава 6 «Эталоны природы: заповедники и экология сообществ» в основном посвящена истории зарождения экологических исследований в России. В ряду имен многих выдающихся русских ученых (И. К. Пачоский, Д. Н. Кашкаров, В. Н. Сукачев, В. Н. Беклемишев, В. И. Вернадский и др.) центральное место автор отводит Владимиру Владимировичу Станчинскому (1882–1942 гг.) – «забытому гиганту советской экологии». Дуглас Вайнер достаточно подробно рассказывает о становлении Станчинского – ученого и о его достижениях в области трофической динамики биоценозов, тем самым восстанавливая историческую справедливость и закрепляя за российской наукой соответствующие приоритеты. Автор справедливо указывает, что до Станчинского экологические сообщества различали либо по их флористическому составу, либо по визуальной гомогенности. «Никому не приходило в голову – пишет Вайнер – внимательно присмотреться к пищевым сетям в качестве критерия идентификации природных границ между сообществами, отслеживая прохождение продукции, образуемой первичными биологическими продуцентами (растениями и другими автотрофами) на данной территории, по мириадам биотических путей до полного исчерпания ее энергетического потенциала... Эта в высшей мере трудная и важная задача составляла ядро разработанной Станчинским программы исследований в степном заповеднике Аскания-Нова» (с. 132).

Высшим достижением Станчинского Вайнер считает создание математической парадигмы, описывающей годовой энергетический бюджет теоретического биоценоза (см.: В. В. Станчинский. О значении массы видового вещества в динамическом равновесии биоценозов // Экология и биоценология. 1931. № 1). По мнению Вайнера, первоначально работа Станчинского представляла собой попытку привести биологические явления к единому физическому знаменателю – энергии, что позволило бы описать эти явления математическими уравнениями и, таким образом, сделало бы их предсказуемыми. Далее же автор пишет, что «экология была еще очень далека от состояния, когда это стало бы возможным...» (с. 133). Однако с этим мнением Вайнера мы не можем согласиться и вслед за ним вынуждены попытаться восстановить еще одну справедливость, отметив, что в 1932 г., т.е. практически в то же время, российским гидробиологом Георгием Георгиевичем Винбергом на оз. Белое под Москвой (научная станция-заповедник в Косине) были сделаны первые в истории измерения фотосинтеза планктона с целью получить количественное выражение скорости образования органических веществ (первичной продукции). Тогда же было установлено, что все остальные проявления продукционного процесса представляют собой этапы использования и диссипации энергии первичной продукции и могут быть количественно соотнесены с нею на энергетической

основе (см.: Г.Г.Винберг. Опыт изучения фотосинтеза и дыхания в водной массе озера. К вопросу о балансе органического вещества. Сообщ. 1 // Тр. лимнол. станции в Косине. 1934. Т. 18. С.5–24). Эта пионерная работа Винберга открыла новое энергетическое направление и положила начало количественным продукционным исследованиям.

В шестой главе рассказывается об истории создания и трудной судьбе заповедника Аскания-Нова, где в 1929 г. работал В.В.Станчинский, и о состоянии дел в заповедниках. Отмечено, что к началу 30-х годов и Наркомпрос, и Наркомзем готовились к серьезному сражению друг с другом за право монопольного владения заповедниками.

Глава 7 посвящена I Всероссийскому съезду по охране природы, открывшемуся 23 сентября 1929 г. в московском Доме ученых. В своем вступительном слове член ВЦИК П.Г.Смидович, как указывает автор, намекнул, что природоохранное движение должно претерпеть глубокие изменения, если оно хочет выжить в условиях социалистического строительства. Вероятно, Вайнер прав, говоря, что делегаты съезда не могли не заметить надвигающейся бури культурной революции и что многие из них осознавали опасность искренних выступлений. Хотя съезд, несомненно, сыграл важную роль в природоохранном движении, он не смог решить некоторых важных вопросов, в частности относительно соперничества Наркомпроса и Наркомзема, что, по мнению автора, в конечном итоге негативно отразилось на движении по охране природы.

В главе 8, «Культурная революция приходит в биологию», Д.Вайнер очень кратко характеризует обстановку в науке и природоохранном движении на рубеже 20-х и 30-х годов, когда первым нападкам со стороны приверженцев культурной революции стали подвергаться авторитетные специалисты-биологи. Более подробно автор останавливается на личности И.И.Презента и его малоизвестной до последнего времени роли в борьбе с теоретической биологией. Страна входила в 30-е годы, названные Вайнером «эпохой нискождения советской биологии в царство абсурда».

В главе 9, «Защитная окраска», читатель узнает о санкционированной Сталиным кампании против интеллигенции, особенно против научных обществ, считавшихся в то время последними прибежищами буржуазной профессуры. Наиболее яростным нападкам подверглись Всероссийское общество охраны природы (ВООП) и близкое ему по духу Центральное бюро краеведения (ЦБК). Вайнер показывает нелегкую борьбу этих обществ против тех, кто желал их роспуска или полной перестройки под присмотром Коммунистической академии, в результате которой, как это ни поразительно, ВООП и ЦБК удалось сохраниться.

Глава 10 посвящена проблемам усиливающейся эксплуатации биологических ресурсов в связи со сверхоптимистичными «плановыми» заданиями первой пятилетки. Здесь же раскрывается деятельность Госкомитета по охране природы, преобразованного в Госкомитет по содействию развитию природных богатств РСФСР.

В главах 11 «Великое преобразование природы» и 12 «Инженеры природы» описан период заката экологических исследований в СССР и утверждения у власти Т.Д.Лысенко и И.И.Презента. Отмечено, что этот период сопровождался подъемом преобразовательского пафоса в стране и консолидацией «советской» биологии вокруг положений, провозглашенных Сталиным. К борьбе с природой и за власть над нею призывали крупнейшие советские писатели Максим Горький, Леонид Леонов и др. Автор обращает внимание, что на волне нового лозунга «в великого преобразования природы» был разработан проект

преобразования биоценозов СССР, включающий крупномасштабную акклиматизацию чуждых естественным сообществ видов флоры и фауны. Как отмечает Вайнер, этот проект вызвал большую тревогу и противодействие среди специалистов, однако уже к 1932 г. акклиматизация была на пути к превращению ее в официальную государственную политику. Особая опасность нависла над заповедниками, поскольку «самозванные вершители судеб биологии» хотели перепрофилировать их в базы не только акклиматизации экзотической флоры и фауны, но и «плановой перестройки» природных экологических сообществ. Одним из первых такая трагическая судьба постигла заповедник Аскания-Нова, о чем автор подробно рассказывает в заключительном разделе главы.

Глава 13 посвящена I Всесоюзному съезду по охране природы, который собрался в Москве 25 января 1933 г. Основные дискуссии на съезде развернулись вокруг судьбы заповедников как базы экологических исследований. В центре обсуждения оказалась судьба Аскании-Нова, ставшая, как отмечает Вайнер, символом борьбы с мракобесием в деле охраны природы в Советском Союзе.

В заключительной главе «Охрана природы без экологии: лысенковщина» Д. Вайнер рассказывает о развернутой в 30-х годах И.И.Презентом шумной пропаганде «передовой биологии», о трудном положении российских экологов, вынужденных маскировать свои позиции, об опале, в которую попало движение за охрану природы с началом пятилеток и особенно после съезда 1933 г. В то же время автор находит возможным вновь обратить особое внимание на последние работы В.В.Станчинского, связанные с разработкой концепции биоценоза и теоретических основ акклиматизации животных. Высоко оценивая эти труды, Д. Вайнер отмечает, что для врагов Станчинского они открыли возможность наконец покончить с ним. Внезапно была запрещена публикация уже набранного текста его основной работы о трофической динамике Асканийской степи, и в 1933 г. Станчинский был «разоблачен» на партийном комитете по чистке.

Автор рассказывает, что с августа 1933 г. надзор за делами заповедников становится обязанностью ВЦИК РСФСР и при нем образуется Комитет по заповедникам. С 1934 г., после утверждения нового постановления ВЦИК и СНК РСФСР о заповедниках, резко меняется направленность их работы. В частности, принцип невмешательства человека в естественный ход процессов природы в заповедниках признается реакционным. Д. Вайнер отмечает, что проводившаяся в 30-х и 40-х годах деятельность заповедников по акклиматизации новых видов была чревата серьезными нарушениями биоценозов не только в заповедниках, но и в окружающих их районах. Завершает главу автор повествованием о том, как в 1951 г. по инициативе начальника Главного управления заповедников РСФСР А.В.Малиновского произошла ликвидация 2/3 заповедников, занимавших 85% от их общей площади. При этом уцелевшие заповедники рассматривались как экспериментальные сельскохозяйственные станции.

В коротком заключении Д. Вайнер подводит итог своему повествованию, анализируя основные этапы развития природоохранного движения в России и причины, приведшие к его развалу в 30-х годах. В то же время автор отдает дань уважения позиции деятелей охраны природы, которая в период сталинских репрессий требовала от них недюжинного мужества.

«Упорную охрану» неприкосновенности заповедников на основе «экологической» аргументации автор рассматривает в свете социальной и политической обстановки того времени. Он утверждает, что к концу 20-х го-

дов... советские заповедники, похоже, были чем-то вроде архипелага свободы. Непрерывно подвергаясь серьезной опасности, но оставаясь под контролем ученых (и их покровителей в Наркомпросе), заповедники представляли собой островки не только природного разнообразия, но и научной автономии, в то время как вся страна, все учреждения и общественные группы постепенно оказывались под тоталитарным, все уравнивающим контролем государства.

В книге имеется небольшое приложение, включающее перечень использованных документов и материалов по главам, схему заповедников и таблицу с информацией о заповедниках, имевшихся в СССР к 1933 г. Материал удачно дополняется послесловием редактора книги Ф.Р.Штильмарка и многочисленными авторскими и редакционными примечаниями.

В целом книга Дугласа Вайнера представляет собой одно из наиболее крупных исследований подлинного становления охраны природы и заповедного дела в СССР. Написанная в духе глубокого уважения к отечественным деятелям природоохранного движения, она возвращает нас к временам расцвета и выхода на передовые позиции российской экологической науки и затем трагического ее заката. С грустью приходится констатировать, что разработанные в те далекие годы концепции и принципы заповедного дела начали входить в жизнь лишь в последние 2–3 десятилетия. К сожалению, история развития заповедного дела в СССР не смогла получить своего достойного завершения. Подготовленный в начале 90-х годов проект Закона СССР «Об особо охраняемых природных территориях», основные положения которого были созвучны взглядам таких выдающихся ученых, как Д.Н.Кашкаров, В.В.Станчинский, Г.А.Кожевников, В.П.Семенов-Тянь-Шанский и др., так и не был принят. Не успели. Тем не менее ряд его важных положений нашел отражение в новом Законе России «Об охране окружающей природной среды», принятом в декабре 1991 г. Отрадно и то, что в последние годы отмечается возрождение этического подхода в охране природы, во многом утраченного к началу 30-х годов. Например, в упоминавшейся нами Экологической программе Приморского края, принятой в полном объеме в ноябре 1992 г., прямо сказано, что охрана уникальной природы Приморья и развитие сети охраняемых природных территорий будут способствовать распространению знаний и утверждению нравственных ценностей.

Наиболее значимым в книге Вайнера представляется восстановление приоритетов российской и советской науки в некоторых ключевых разделах экологии и охраны природы, возвращение многих почти забытых имен. Важно, что попытка «восстановления исторической справедливости» предпринята американским историком, что придает проделанной работе убедительность и объективный характер.

Очевидно, что поднятая в книге Дугласа Вайнера тема вызвала большой интерес у читательской аудитории, а сама книга, не успев появиться на свет, стала библиографической редкостью. Нет сомнений в своевременности ее издания на русском языке и не трудно предугадать, что она не только займет достойное место в современной историографии, но и окажется полезной в трудном деле возрождения природоохранного движения в России.

В.В.БОГАТОВ